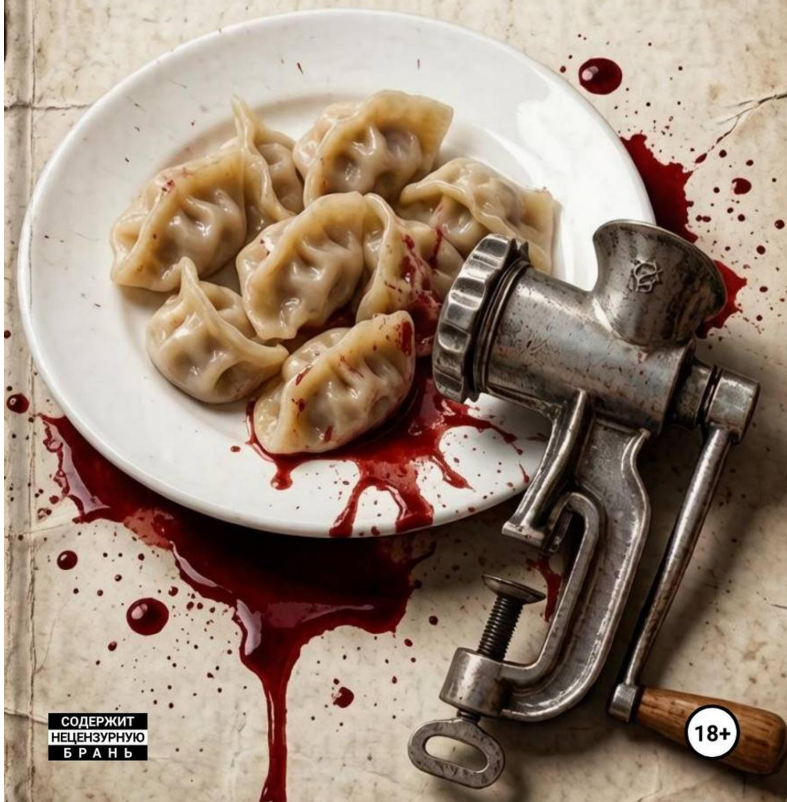


ЛЕПЩИК

ПАВЕЛ ДЕВЯШИН



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Девяшин

Лепщик

<https://litres.ru/74312548>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 1938 год. Семён Крючков — лепщик в столовой. Он одержим ритуалом: каждый пельмень должен иметь ровно четырнадцать защипов. Идеальное тесто, идеальный фарш, идеальный счёт. Но однажды утром ему привозят мясо необычного цвета — тёмно-красное, с белыми прожилками. Пахнет оно приторно и сладко. Семён не может сделать ни одного правильного пельменя. А когда первый заказ уходит на стол, в тарелке находят человеческий палец. Теперь Семён — главный подозреваемый. Следователь Серебряков, знавший его отца, пытается разобраться, где кончается безумие и начинается правда. Но чем больше вопросов он задаёт, тем яснее одно: фарш был не случайным. Кто-то кормит Москву мясом, которого не должно быть на свете. И этот кто-то уже очень близко.

Содержание

ЯПОНСКАЯ МУДРОСТЬ

4

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Лепщик

ЯПОНСКАЯ МУДРОСТЬ

*Просыпаясь, продолжай то, на чём
остановился вчера. Стремись к
совершенству.*

Японская мудрость

*09.06.1938 г., 10:23. Столовая #8
Мособщепита (ул. Старая
Гвардейская, 18а). Обнаружен
фрагмент человеческого тела.
Выезд следственно-оперативной
группы: следователь Серебряков
Г.И.*

*Журнал учёта сообщений о преступлениях.
Пресненское районное управление милиции г. Москвы*

Снова порожняк. Семён закусил губу и пересчитал количество завитков на пельмене.

Раз, два, три...

Тринадцать. Четырнадцатого нет. Тесто сомкнулось криво, оставило дыру, через которую утечёт драгоценный бульон.

Он поднял взгляд. Кирилл Михалыч опять забыл на столе стакан с чаем. И тот, как всегда, остыл. Вон какая плёнка на

поверхности.

В висках застучало. Чай надо пить горячим! А не оставлять, чтоб плёнкой покрывался.

А в пельмене должно быть четырнадцать завитков. Ни больше, ни меньше.

Кухня не терпит своеволия. Сегодня всё насмарку... Надо сказать заведующему: пусть в следующий раз забирает стакан с собой.

Семён отложил бракованный пельмень на отдельный противень. Их набралось уже пять штук за смену. Раньше доходило до трёх. А тут — пять. И всё из-за Кирилла Михалыча с его холодным чаем.

Молодой лепщик сделал три глубоких вдоха.

Конечно, причина в другом. Виноват красный фарш.

Его привезли сегодня с утра. Цвет — не серо-розовый, а тёмно-красный, с белыми прожилками, как мрамор. Пахло мясом, но с приторным, сладковатым оттенком.

Семён отщипнул немного фарша, помял, понюхал. По лицу пробежала судорога.

— Ты чего? — голос молодой посудомойки всегда его успокаивал. Но не теперь.

Парень молча покосился на неё. Брови чуть приподнялись. Зачем спрашивает? Знает ведь, что до обеда он ни с кем не разговаривает. С утра он будто мёртвый: от макушки до пят. Живут только пальцы. Самостоятельной, почти бесконтрольной жизнью.

— Я с тобой говорю, Крючков.

— Ничего, Зоя, — выдавил он.

— А чего скукожился, словно урюк?

— Фарш странный.

Зоя подошла. Конопатый нос ткнулся в миску. Девушка пожала плечами.

— Фарш как фарш. Душистый. Мужики сметут.

Она хотела ещё что-то сказать, но Семён уже отвернулся к доске. Взял новый кружок теста, положил фарш, начал зачищивать. Пальцы, белые от муки, тонкие, сухие, почти красивые, шли к его угловатой внешности не больше, чем кружевная салфетка к табурету.

Губы беззвучно шевелились:

«Раз-два-три-четыре-пять...».

Последний не выходил. Пальцы сводили края теста, соскальзывали, начинали трястись.

— Четырнадцать, — сказал Семён вслух. — Должно быть четырнадцать. Совершенство.

— Чего? — переспросила Зоя.

— Четырнадцать зачищив.

— Дурак ты, Крючков, — вздохнула девушка и отвернулась к мойке. — Я к тебе по-человечески, а ты... Тьфу!

Из зала выглянул заведующий столовой Кирилл Михайч. Пузан, усы щёткой, лицо красное от жары и начальственной важности. На указательном пальце правой руки — перстень, крупный, с красным камнем, похожим на икру гор-

буши. Этим перстнем он любил постукивать по столу, когда проводил утренние планёрки.

— Ну что, Крючков, — он промакнул лоб платком. — Готово?

Семён кивнул на миски. Кирилл Михалыч заглянул. Шишковатая голова качнулась вправо-влево, потом ещё раз и наконец замерла.

— Маловато. Понял-нет? Давай ещё. Товарищ Шапиро из райздравотдела приехал. С проверкой. Голодный, как волк.

— Кто? Шапиро? — спросила Зоя.

— Не твоего ума дело. Работай.

Кирилл Михалыч посмотрел на Семёна, и взгляд у него вдруг стал почти ласковым. Как у дрессировщика.

— Ты, Крючков, давай. Ты ж у нас гений, понял-нет? Не подведи.

Семён не ответил. Он смотрел на свои руки. Отец говорил: «Ты, Сёма, в меня лицом. А руки — в мать. Художница она была, вышивала так, что люди плакали».

Мать умерла, когда Семёну было пять. Он почти не помнил её лица. Только руки — такие же тонкие, сухие, с длинными пальцами.

Отец застрелился год назад.

Он, японовец, твердил Семёну: «Стремись к совершенству, Сёма. В каждой мелочи. Японцы так делают».

С тех пор отец снился каждую ночь. Стоял в дверях кухни в гимнастёрке, как при жизни, но без петлиц. Что-то гово-

рил, тряс кулачищем. Семён крутил мясорубку и не мог слышать почти ни слова. Лишь отдельные фразы. Что-то про четырнадцать иероглифов. Про шифровку. Дальний Восток. Потом отец замолкал, долго смотрел и вновь начинал трясти кулаком: «Их должно было быть четырнадцать...». Семён всякий раз просыпался в поту, в глаза било ненавистное солнце. Он шарил по тумбочке — где очки? — находил, надевал тёмные стёкла, глядел в потолок и долго не мог успокоиться.

Крючков вытер ладони о фартук. Потянулся в карман за очками. Если не видеть этот красный фарш, может, пальцы успокоятся и получится идеальный защип?

За окном, сквозь задёрнутые шторы, пестрела Москва. Липы в цвету, жара — Семён не видел этого. Не хотел.

Он поддел ложкой новую порцию фарша.

— Красный, красный, — шептал он, качаясь, словно метроном.

Взял новый кружок. Тринадцать. Четырнадцатый снова не вышел. Тесто порвалось, развалилось на части.

Семён сжал кулаки. Костяшки хрустнули.

— Да что ж такое!

— Ну ты чего опять? — не выдержала Зоя. — Что не так?

— Фарш. Он красный. Слишком красный.

— Ну и что?

— Из него не выходит идеальный пельмень. Тринадцать защипов.

— Ну и?

— А должно быть четырнадцать!

— А причём здесь фарш? — Зоя устало поморщилась. —

У тебя ведь явно не ладится с тестом.

Семён замотал головой. Фарш, только в фарше дело. С серым получалось, с этим — нет. Тот, серый, отлично подходил. Четырнадцать защипов — раз, и готово. Пальцы сами делали, без головы. А этот, красный, не идёт. Хоть режь.

— Ты просто устал, — сказала Зоя мягче. — Отдохнул бы. Тебя ведь посылали в Артек, чего не поехал?

— Не могу, — отмахнулся Семён. — Работать надо.

Зоя вздохнула, в мойке звякнули тарелки.

Из зала донёсся голос. Не Кирилл Михалыча — другой. Баритон с хрипотцой, с лёгким акцентом:

— Вы таки скажете, любезный, где мой заказ?

Семён собрал пельмени — и нормальные, и бракованные — сыпал в миску. Шагнул к кастрюле, заглянул.

Вода бурлила. Пузыри лопались с глухим чавканьем, вырываясь на поверхность. Он бросил свои неидеальные поделки. Те закружились, занырнули, всплыли через пять минут — пузатые, жёлтые, пахнущие мясом и укропом.

Пар облепил тёмные стёкла очков. Семён снял их и аккуратно протёр.

Зоя помогла выложить готовые пельмени на тарелку. Кирилл Михалыч сам передал официанту. Вернулся довольный.

— Вари ещё, — сказал он. — Точно попросит добавки. Всегда хвалит. Сочные, говорит, пельмешки. Жирные.

Семён смотрел в одну точку. Голос начальника отдавался эхом внутри головы.

— Ты, Крючков, молодец. Несмотря на... — Кирилл Михалыч покрутил пальцем у виска. — Гений ты. А к гениям особое отношение. Понял-нет?

Он хотел ещё что-то сказать, но из зала позвали. Вернулся не сразу. Через пять минут. Лицо будто окаменело.

— Крючков, — сказал заведующий. — Ты... это... Тут официант. Хорошо, что не донёс. Нашёл. Вот...

Он положил на доску что-то маленькое, твёрдое. Прикрыл салфеткой.

Зоя подошла, заглянула — и охнула. Из горла вырвался всхлип. Девушка закатила глаза и начала оседать. Кирилл Михалыч подхватил её, усадил на табурет.

— Воды принеси, — велел он Семёну. — Живо. Я пока позвоню.

Парень не двинулся. Его взгляд бездумно буравил пространство.

— Крючков! — рявкнул Кирилл Михалыч. Голос потерял теплоту. — Ты слышишь меня, сучонок?

Семён поднял глаза.

— Будь здесь, — прорычал заведующий. — Никуда не уходи. Держи Зойку.

Он пошёл к телефону. Длинный шнур волочился по полу.

Схватил трубку.

— Соедините меня с Пресненским отделением!

Из зала донёсся голос Шапиро:

— Что случилось? Почему нет пельменей?

Кирилл Михалыч заткнул пальцем обращённое в зал ухо, закричал в трубку:

— Да. Да, столовая номер восемь. Да, в пельмене! Наш лепщик... он того... мало ли... Я его не выпускаю.

Начальник обернулся. Взгляд такой, будто он видел перед собой не гения, не странного парня, а чучело. Музейный экспонат. Почти вещь.

— Приезжайте, — сказал Кирилл Михалыч. — Быстрее.

Из зала опять донёсся голос Шапиро — теперь не требовательный, а испуганный:

— Что там? Я спрашиваю — что?!

Кирилл Михалыч не ответил. Стоял у телефона, смотрел на Семёна.

Семён медленно перевёл взгляд на доску. Рука, вдруг сделавшись ватной, откинула салфетку.

Сперва показалось, будто перед ним любимая Вождём долма. Пригляделся — никакая это не долма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.